Мертвая транни!

«Послушай стихотворение, которое только что прочитал Сюнтай, кажется, он человек с большими амбициями». Ошеломленная юность перестала улыбаться и взглянула на озеро, размышляя: «Как и говорил Сюнтай, Цзяннань (к югу от реки Янцзы) богат талантливыми мужчинами и красивыми женщинами. Многие литературные таланты распространили поэтическую форму по всему миру. У этого есть свои плюсы и минусы».

«О?» Ого, в это время есть кто-то, кто тоже так думает? Интерес Линь Ваньжуна внезапно возрос: «Этот человек — эм, друг, я не знаю, что означает это замечание?»

Моментальная оговорка чуть не заставила его произнести слово «Транни». Хотя он считал, что эта молодежь, вероятно, не знает значения этого слова, если ему действительно нужно будет объяснить это слово, ему будет очень неловко.

Потрясающий Гунцзы кивнул: «Насколько я понимаю, с тех пор, как правящий император основал Империю, у нее есть плохая привычка подчеркивать гражданское искусство над военным. Особенно на юге реки Янцзы, где одаренные ученые и красивые дамы используют свои литературные таланты и достижения, чтобы добиться чести и славы. В мирное время это не неправильно, но когда страна сталкивается с катастрофой, как прямо сейчас в северной части страны — которая неоднократно подвергается вторжению врагов, они все еще остаются неизменными; куда тогда пойдет эта страна? Страна, страна, только если страна существует, будет дом. Если бы все были похожи на них, «Теплый ветерок опьянял гостя, отправился прямиком в Ханчжоу из Бяньчжоу», была бы надежда на нашу династию Хуа?» Этот гонзи-транни становился все злее, чем больше он говорил, на его лице уже давно была видна ярость.

Линь Ваньжун прибыл в этот мир около месяца назад и уже знал, что нынешнее правительство в этой стране называлось династией Хуа (Великолепная), правящий император носил фамилию Чжао, а столица — Шуньтянь (Повинуйся Небесам).

Он слышал, что на севере было вторжение через границу, и армия Великой Хуа потеряла свои территории и снова проиграла битву. Хотя армия варваров была сильна, она никогда не думала, что армия Великой Хуа будет разгромлена так быстро. Армия варваров испытывала нехватку зерна, а также совпало с концом осени и началом зимы, поэтому они должны были приостановить наступление и вернуться в прерию, одновременно подготовив свои вооруженные силы, чтобы подготовиться к вторжению прямо в глубинке Центральной равнины в следующем году.

В предыдущей династии Великой Сун Бяньчжоу (Кайфэн) был столицей Великой Сун. В то время Великая Сун была поражена коррупцией и некомпетентностью. После того, как иностранное вторжение поставило под угрозу безопасность Бяньчжоу, Великий Сунский двор был перемещен на юг в Ханчжоу (предыдущее стихотворение оплакивало эту ситуацию). Бяньчжоу тогда называли альтернативной столицей. К тому времени основатель Великой династии Хуа создал государство, изгнал иностранную армию и основал Великую династию Хуа. Но никто не может забыть позор этой альтернативной столицы Бяньчжоу. Так что, когда рот Линь Ваньжуна произнес слова «прямо в Ханчжоу из Бяньчжоу», этот потрясающий Гунцзы тоже может понять глубокий смысл в этом. (Примечание автора: мир в этой книге — совершенно другой мир — другая вселенная. Династия Сун здесь отличается от известной династии Сун, просто так получилось, что они носили одно и то же имя. Объясним позже)

Хотя Линь Ваньжун был немного не в ладах с этим миром, он знал, что раз уж он пришел в этот мир, ему нужно влиться в него. В любом случае, это были его собственные соотечественники,

поэтому он не должен был позволять чужакам издеваться над своей семьей.

«Если страна желает быть сильной, то как достижение в области искусства, так и в военной сфере — необходимы. Такое "отмечание мира песнями и танцами", в то время как все идет не так, как надо, нужно немного сдерживать», — ошеломляющий Сынок, наконец, заключил свое выступление, продемонстрировав озабоченный вид.

Первоначально думая, что этот мертвый транссексуал каждый день тусуется в куче пудры только для того, чтобы сделать свое лицо таким же красивым, как цветущий персик, Линь Ван Жун не думал, что его сердце на самом деле несколько амбициозно. Следовательно, впечатление Линь Ван Жун об этом Сынке-транссексуале внезапно сильно изменилось.

Но что касается нынешнего Линь Ван Жун, то сделать страну богатой и могущественной — временно не его ответственность. Поэтому он также не проявлял особого интереса.

Ошеломляющий Сынок был очень недоволен теми одаренными учеными на озере у себя впереди, и в том, что он сказал, была доля правды. Но профессиональный опыт Линь Ван Жун подсказывал ему, что это дело не такое уж и простое, как кажется на первый взгляд. Линь Ван Жун, естественно, не мог полностью согласиться со словами ошеломляющего Сынком.

Линь Ван Жун холодно фыркнул и отказался давать комментарии, а также не обратил внимания на ошеломляющего Сынка. Он посмотрел на поверхность озера, не проронив ни слова.

Ошеломляющий Сынок увидел выражение лица Линь Ван Жун и подумал, что он тоже сын чиновника. Он нахмурился и сказал: «У Сяна есть академические почести (сдал имперские экзамены)?»

Линь Ван Жун покачал головой: «Я никогда не сдавал имперские экзамены».

Если бы ты мог сдать, то я, этот дядя, тоже смогу. Но у этого парня внешность довольно так себе, разве одежда, похожая на мешковину, и обувь, которая обнажает пальцы ног, выглядят как у человека, сдающего имперские экзамены?

Ошеломляющий Сынок сказал также: «Сян когда-нибудь сдавал провинциальный экзамен?»

Линь Ван Жун продолжил качать головой: «Чжайся даже не знает, где искать экзаменационную комиссию».

Ошеломляющий Сынок странно спросил: «Так, согласно этому, Сян даже не умеет читать», — произнеся половину предложения, он понял, что оговорился, быстро остановил свою речь и забрал обратно последующие слова.

Но Линь Ван Жун понял, что он имел в виду, и в его сердце возникло негодование: мертвый

транссексуал, что ты на меня так смотришь, если я, этот отец, не интеллигент, как я могу выйти и прочитать стихотворение, подходящее для этого времени? Этот выдающийся выпускник Пекинского университета в эту эпоху сравним с аспирантом Императорской академии. Через несколько лет, возможно, я смогу пойти в Императорскую академию у себя на родине, чтобы разузнать, есть ли у них вакансия, которую они могут мне предложить, или что-то в этом роде. Как вы смеете меня так презирать?

Однако с другой стороны, Линь Ван Жун на самом деле не читал книги в эту эпоху. Поэтому, когда транссексуал Сынок сказал, что он не ученый, это не было лишено оснований.

Он тихо фыркнул и медленно продекламировал: «Гора за зелеными холмами за вершиной замка, когда прекратятся танцы и пение на Западном озере? Теплый бриз напоил вином гостя, отправился прямиком из Бяньчжоу в Ханчжоу». (Грубое значение стихотворения переводчика: варвары нависают над горой за городской стеной на севере, в то время как люди продолжают веселиться и не замечать угрозы; теплая атмосфера заставляет людей забыть свои проблемы, причем настолько, что они в конечном счете подвергаются унижению, когда их принуждают перенести столицу с севера (из Кайфэна) на юг (в Ханчжоу))

Глаза транссексуала Сынком загорелись, он снова и снова аплодировал и сказал: «Хорошо, хорошо, очень хорошо, гора за зелеными холмами за вершиной замка, очень хорошо, когда прекратятся танцы и пение на Западном озере. У Сяна действительно большие таланты, эти две строки действительно очень созвучны с другими строками. Основываясь на этом предложении, в мире никто не сравнится с братом».

Молодой слуга, который был рядом с ним и который ранее холодно смотрел на Линь Ван Жун, также выразил почтение.

=

Линь Ваньжун с трудом сдерживал веселье, хотя и презирал раболепскую философию грубого гунцзы, но раз тот теперь так ему заискивал, он не мог не польстить себе.

Просто этот грубый гунцзы вечно твердил, что свысока смотрит на талантливых ученых и их стихи, однако же поэму, которую прочитал Линь Ваньжун, расхваливал во весь голос. Это было весьма нелепо.

Гунцзы оказался весьма проницательным человеком, он уловил взгляд Линь Ваньжуна и, похоже, понял его смысл, и поспешно сказал:

— Господин Великий талант, прошу простить меня, я вовсе не хотел оскорбить талантливых ученых. Просто страна сейчас в тяжелом положении, и я действительно не могу выносить их отношения к этому по принципу «Страна в беде, меня это не касается». Только что я оскорбил господина Благородный характер и Непогрешимая честность, прошу простить мою провинность.

С этими словами он даже поклонился Линь Ваньжуну, демонстрируя свои извинения.

Видя, насколько хорошо этот парень умеет признавать ошибку и превосходно целует пониже спины, Линь Ваньжун лицемерно изобразил хорошее обращение, поднял того, сложил кулаки и

изрек:

— Осмелюсь узнать ваше уважаемое имя и фамилию?

— Не смею, не смею, моя фамилия Сяо, Сяо Цинсюань.

Гунцзы поспешно сложил кулаки и почтительно поклонился.

— О, это господин Сяо, ваша покорность носит фамилию Линь, зовут меня Линь Ваньжун.

Линь Ваньжун усмехнулся, не выказывая ни малейшего почтения.

— Так значит, это брат Линь, простите за неуважение, простите за неуважение. — Сяо Цинсюань смотрел на Линь Ваньжуна. На белом лице Сяо Цинсюаня проступили две ямочки, а также легкий румянец. Эти черты его лица придавали ему невыразимое очарование.

http://tl.rulate.ru/book/83172/3965672